

Термин «языковая компетенция» используется в современной науке (психолингвистике) в разных значениях: как знания человека о языке (знание языковых единиц разных уровней, правил их изменения, сочетания друг с другом и др.) и как владение языком (использование этих знаний в процессах общения). Последнее часто называют также коммуникативной компетенцией.

Языковая, или коммуникативная, компетенция человека характеризуется через смежные понятия – языкового сознания и языковой личности, которые, в свою очередь, трактуются в науке неоднозначно. В данной статье эти термины используются в следующих значениях: *языковое сознание* – это способность человека формировать, хранить и перерабатывать языковые знаки в соответствии с выражаемыми ими значениями, правилами их изменения и сочетания друг с другом в предложении [4, с. 49]; *языковая личность* – это человек, обладающий способностями к речевой деятельности, т.е. способный производить речь, воспринимать и понимать ее.

Языковая личность и, следовательно, ее коммуникативная компетенция могут быть охарактеризованы в различных параметрах и аспектах, из которых наиболее явными, так сказать, «поверхностными» являются говорение, письмо, аудирование (восприятие на слух) и чтение. Последние две способности человека (аудирование и чтение) базируются на ментальных процессах интерпретации звуковых и графических языковых сигналов, воспринимаемых слуховыми и зрительными рецепторами.

Языковая компетенция крымских татар имеет следующую параметризацию (параметры языковой компетенции ниже располагаются в порядке убывания количества носителей языка, обладающих указанными параметрами): понимание речи, воспринимаемой на слух; говорение; понимание речи, воспринимаемой в письменной форме; чтение и письмо*.

Несмотря на различие говоров и наречий, которыми крымские татары пользуются в быту (это различные варианты кыпчакских и огузских языков), в целом они понимают речь друг друга, так как опираются как на активный, так и пассивный словарные запасы. Однако продуцирование речи (говорение) требует от них активного владения словарным составом и грамматикой, что в условиях русского языкового окружения, школьного и вузовского образования на русском языке, а также в практике общения в смешанных семьях не культивировалось. Что же касается восприятия письменной речи, чтения и письма, то эти способности представителей новых поколений крымских татар, родившихся в условиях ссылки, вообще не развивались.

Известно, что в течение почти полувека советский тоталитарный режим проводил по отношению к крымским татарам политику насильственной русификации. Все социальные функции крымскотатарского языка, кроме одной (средства общения в семье), были отсечены актом депортации: отсутствовали школы с крымскотатарским языком обучения, не было передач на радио и телевидении, не издавались газеты и журналы и др. В таких дискриминационных условиях целенаправленно формировалось двуязычие, основными компонентами которого были крымскотатарский и русский языки, реже – крымскотатарский и узбекский, крымскотатарский и таджикский и др.

По данным социологического измерения (опроса), проведенного в августе-сентябре 1997 г. в рамках проекта Центра технического сотрудничества Международной организации по миграции (ЦТС МОМ), крымские татары в домашних условиях используют русский язык так же часто, как и родной (соответственно 33 % и 39, 2 % респондентов), на узбекском языке в семье говорят лишь 3 % респондентов. Однако в общественных местах, на работе и в учебных заведениях на русском языке общаются 64,7 %, на крымскотатарском 6,4 % респондентов [3, с. 94].

В связи с социологическими измерениями, в том числе и социолингвистическими опросами, встает вопрос о сущности феномена, называемого «родной язык». Респонденты затрудняются ответить на вопрос «Какой язык Вы считаете родным?» Можно встретить ответ: «Родным языком не владею». В социолингвистике и психолингвистике советского периода было распространено такое определение: родной язык – это язык, на котором человек мыслит. Эта дефиниция обслуживала во многом коммунистическую идеологию, которая процессы русификации малых народов, утрату ими национальной самобытности преподносила в качестве высочайшего достижения пресловутой «ленинской национальной политики». Вспомним в этой связи идеологему «советский народ», которой в пропагандистских целях активно пользовались советские политологи и обществоведы.

Следует признать, что в социо- и психолингвистике сегодня отсутствуют четкие, непротиворечивые понятия «родной язык». Ученые предпочитают говорить о «первом языке» (Я1), «втором языке» (Я2), «языке повседневного общения» (ЯПО), «иностранным языке» (ИЯ) и др. Это объясняется чрезвычайной сложностью самих социально-языковых реалий. Известно, что «хронологически» второй язык может вытеснить первый и стать языком повседневного общения или сосуществовать с ним, выполняя те же функции, т.е. стать как бы вторым родным языком. По мнению ученых, наиболее корректной сегодня представляется следующая формула: родной язык – это язык матери, язык своей национальности либо иной язык, определяемый в качестве такового самим человеком [2].

По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся во всех общественных сфе-

рах родным (крымскотатарским) и русским языками; 2. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориального диалекта) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В 1-ю группу входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в 3-ю – люди пожилого возраста с низким уровнем образования. Наиболее многочисленна 2-я группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: 1) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); 2) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русских школах (говорят только на родном языке).

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. Речь говорящих изобилует лексическими и фразеологическими «вкраплениями» и разного рода кальками (словообразовательными, синтаксическими, фразеологическими) из русского языка. В данном случае речь идет не о безэквивалентной лексике типа *телефон, такси, диссертация* и т.п., а о единицах, имеющих понятийные эквиваленты в крымскотатарском языке: *революция – инкьыляп, рюмка – кьаде, кружка – меишебе* и др.

Особенно часто вставляются в татарскую речь служебные и модальные слова и словосочетания русского языка: *а, но, ну, даже, разве, короче, по-моему, вообще, потому что, чтобы* и др. Примеры: *Только мен онъы кормедим. Но бугунь кимсе кельмедим. Даже керек олса да бармам. А средствосы екъ эди. Мен айтайим да, чтобы сиз бильсенъиз. Давайте, кадрлары изучить этейик. Ну, не япмалы. Сиз анладыныъыз, что о керек шей дегиль.* Очень часто используются разного рода кальки, т.е. буквальные переводы русских оборотов на крымскотатарский язык: *эписинден биринджи (прежде всего), кунь тертиби (повестка дня), иш адамлары (деловые люди), теъгерек стол, теъгерек маса (круглый стол), большевиклернинъ кьанлы кьыйма машинасы (кроватная мясорубка большевиков), кеньиши кьулламакъ (широко пользоваться), сьыджакъ кьаршыламакъ (горячо встретить)* и др. (Примеры взяты из речи представителей 1-ой и 2-ой социальных групп.)

Каковы же пути и способы возрождения крымскотатарского языка и, следовательно, достижения крымскими татарами полной языковой компетенции, т.е. овладения родным языком на всех уровнях его использования (говорения, понимания, чтения и письма)?

1. Расширение сети детских дошкольных учреждений и школ с родным языком обучения. Здесь возможны варианты: обучение и воспитание на родном языке во всех звеньях школы; обучение на родном языке лишь в начальной школе, а в основной и старшей – на русском или украинском языках и др. Первый вариант обучения сегодня не может быть реализован в связи с отсутствием преподавательских кадров и учебно-методической литературы по всем учебным дисциплинам, кроме крымскотатарского языка и литературы.

2. Преподавание крымскотатарского языка как языка коренного народа Крыма в качестве обязательного учебного предмета во всех школах Крыма, независимо от языка обучения и воспитания (так было в Крыму до депортации крымских татар).

3. Расширение издательской базы на крымскотатарском языке, издание большого количества не только учебной, но и качественной художественной литературы, в том числе и переводной, для детей и юношества.

4. Создание перманентной языковой среды за счет увеличения эфирного времени на радио и телевидении, что предполагает сплошную электрификацию и радиофикацию мест компактного проживания крымских татар.

5. Увеличение числа газет и журналов, издаваемых на крымскотатарском языке, и публикация в них, из номера в номер, русско-крымскотатарских мини-словарей и всякого рода занимательного материала (загадок, кроссвордов, чайнвордов и т.п.).

Думается, ряд этот можно продолжить.

Я с оптимизмом смотрю в будущее. Через одно-два поколения (40-50 лет) крымскотатарский язык займет свое законное место в многоцветье языков Крыма как язык коренного народа. Основанием для такого оптимизма является практика крымскотатарского языкового строительства, которая наблюдается в Крыму в последнее десятилетие: создана и активно работает ассоциация преподавателей крымскотатарского языка и литературы «Маарифчи»; проводятся научно-практические конференции, круглые столы и методические семинары, посвященные проблемам возрождения крымскотатарского языка, оптимизации его преподавания в средней и высшей школе; открываются новые школы и классы с крымскотатарским языком обучения и воспитания; в Министерстве образования АРК появилась новая структурная единица – управление образования на крымскотатарском языке и др.

* В связи с отсутствием каких-либо статистических данных, иллюстрирующих данные явления, автор здесь и далее опирается на собственный языковой и жизненный опыт, на свои наблюдения и обобщения.

1. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: Изд-во РГГУ, 1999. - 382 с.
2. Регушевський Є. До розуміння поняття "рідна мова" // Проблеми мови і культур в посткомуністических країнах Центральної і Східної Європи. Сб. Докладов міжнародної науково-практичної конференції. - Київ: УНВЦ "Рідна мова", 1999. - С. 10-13.
3. Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан. Сентябрь 1998. - Киев: Представительство Международной организации по миграции в Украине, 1998. - 100 с.
4. Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 30 мая - 2 июня 1988. - М., 1988.